

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

МОНАРХИ-ДОЛГОЖИТЕЛИ

СТАРЕЙШИНА ЕВРОПЕЙСКОЙ МОНАРХИИ • «КОРОЛЬ-СОЛНЦЕ»

• СОЗДАТЕЛЬНИЦА «ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ»

• 68 ЛЕТ НА ТРОНЕ ГАБСБУРГОВ • АБОРИГЕН ИЗ ДИНАСТИИ
ГРИМАЛЬДИ • ХОЗЯЙКА БУКИНГЕМСКОГО ДВОРЦА

Загадки истории (Фолио)

Валентина Склярєнко
Монархи-долгожители

«ОМІКО»

2011

Скляренко В. М.

Монархи-долгожители / В. М. Скляренко — «ОМІКО»,
2011 — (Загадки истории (Фолио))

История монархий всех континентов пестрит заговорами, переворотами и убийствами. Поэтому большинству венценосных правителей не удавалось удержать скипетр в своих руках достаточно долго, чтобы их можно было назвать монархами-долгожителями. Но нет правил без исключений: среди самых знаменитых правителей прошлого и современности нашлись такие, что вершили судьбы своих народов в течение многих десятилетий. Среди них французский король Людовик XIV, английские королевы Виктория и Елизавета II, император Австро-Венгрии Франц Иосиф и некоторые другие. И, безусловно, их правление таит в себе немало тайн и загадок.

© Скляренко В. М., 2011

© ОМІКО, 2011

Содержание

Старейшина европейской монархии	5
Первая глава в истории португальской монархии	5
Юный бунтарь	7
Строитель португальского государства	10
Монарх-завоеватель	13
Король умер! Да здравствует король!	16
«Король – Солнце»	17
Богоданный чудо-ребенок	19
В тени всемогущего кардинала	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

В. М. Скляренко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро Монархи-долгожители

Старейшина европейской монархии

Первая глава в истории португальской монархии

В сознании многих людей возникновение португальского государства чаще всего ассоциируется с эпохой Великих географических открытий. Между тем португальское королевство провозгласило свою независимость еще в 40-х годах XII века. И произошло это благодаря Афонсу (Альфонсу) Энрикешу, ставшему его первым королем.

Родоначальник португальской монархии родился 25 июля 1109 года (по другим данным – 1111 года) предположительно в Коимбре, одном из старейших городов на Пиренейском полуострове. Его отцом был Генрих (Анри, Энрике или Энрикеш) Бургундский (внук Роббера, первого графа Бургундского), а матерью – внебрачная дочь короля Альфонсо VI Кастильского, принцесса Тереза Леонская. Их брак был продиктован политическими соображениями. В связи с развернувшейся на Пиренейском полуострове в конце XI столетия Реконкистой – изгнанием мавров – король Альфонсо VI обратился за помощью к иностранным рыцарям. За это согласился отдать своих дочерей Урраку и Терезу в жены их предводителям. После заключения брака принцесса Тереза получила в приданое графства Порту и Коимбра, которые были тогда наименее защищенной от вторжения мавров провинцией на юге Кастилии, а ее муж Энрике Бургундский – титул графа Португалии. Вместе со своей супругой граф правил в течение 16 лет.

Это вообще был один из самых трудных периодов для христианских государств, находящихся на Пиренейском полуострове. Со всех сторон их теснили войска Альморавидов – мусульманской династии в Северной Африке (1050–1146 гг.), которая к тому времени правила огромным государством, включавшим территории Марокко, Западного Алжира, Западной Сахары, Балеарских островов и мусульманской части Испании. Граф Энрике, не жалея сил, защищал южные рубежи своей страны от мавров. Он ожесточенно боролся с ними вплоть до своей смерти в 1112 году. А в последние годы жизни ему не удалось избежать и междоусобной борьбы с соседними графствами Леона, Арагона и Галисии.

Дело в том, что граф Энрике неукоснительно выполнял свои феодальные обязанности по отношению к Альфонсо VI вплоть до смерти последнего в 1109 году, но после нее отказался признать себя вассалом наследницы Альфонсо – его дочери Урраки, которая правила Галисией. Ведь к тому времени территория Португальского графства значительно расширилась за счет дарования форалов (жалованных королем прав) городам Соуре, Гимарайншу, селениям Константин де Паноайш и Тентугалу. Рост населения, освоение и закрепление новых земель за графством дали возможность Энрике вести себя более независимо по отношению к своему сюзерену и надеяться на обособления графства. Но осуществить свои мечты он не успел.

После его смерти фактическая власть над Португалией перешла к его вдове Терезе, которая правила графством на правах регентши при малолетнем сыне Афонсу Энрикише. Это была очень энергичная, самолюбивая и находчивая женщина. Так же как и ее супруг, Тереза успешно боролась с маврами и закладывала фундамент, на котором ее сыну предстояло возвести независимое Португальское королевство. После раздела Кастилии между Урракой и

ее сыном, будущим королем Альфонсо VII, Тереза также провозгласила себя королевой, не признавая вассальной зависимости от них. Но ее увлечение одним из рыцарей, доном Фернандо Пересом де Трава, безмерно щедрые милости, которыми она осыпала своего фаворита, а также ее сближение с галисийской знатью привели к тому, что ослепленная любовью и властью регентша нажила себе немало врагов среди собственных придворных. И самым неприятным в этой ситуации было то, что главным противником Терезы стал собственный сын Афонсу.

Оставшись без отца в трехлетнем возрасте, Афонсу быстро повзрослел. Уже в одиннадцать лет этот мальчик, унаследовавший от Энрике титул графа Португалии, уже имел собственные политические взгляды, которые разительно отличались от взглядов его матери. В 1120 году юный принц встал на сторону архиепископа Браги, являвшегося политическим оппонентом Терезы. Мать изгнала обоих из Коимбры, и последующие три года Афонсу вынужден был провести вдали от своей страны под присмотром архиепископа. По традиции того времени в 14 лет он прошел посвящение в рыцари, которое осуществил его двоюродный брат Альфонсо VII Кастильский. Несмотря на юный возраст графа, подданные видели в нем образец христианского рыцаря, достойного сына человека, посвятившего свою жизнь борьбе с мусульманами. Юноша был высок и крепок телом, обладал физической силой. При этом он значительно превосходил остальных рыцарей в умении владеть оружием, прекрасно держался в седле и был достаточно образованным, хотя его познания и отличались бессистемностью. Афонсу сочетал в себе пылкую набожность со склонностью к плотским утехам, вспыльчивость и порывистость с неудержимым высокомерием. Его отношения с матерью были всегда довольно прохладными, а после того, как Тереза, потерпев поражение в борьбе с Альфонсо VII, была вынуждена в 1127 году заключить с ним мир и войти в союз против Арагона, Афонсу выступил против матери.

Юный бунтарь

Сразу же после заключения Терезой мира с королем Альфонсо VII семнадцатилетний Афонсу попытался взять бразды правления в свои руки. Его первым самостоятельным шагом стало пожалование земель Сан-Винсенте де Фрагозу, подписанное без участия регентши. После этого он также самолично подтвердил форал городу Гимарайншу. Одновременно юноша начал собирать войско, чтобы выдворить мать вместе с ее фаворитом из страны. Молодого графа поддержали многие представители старинных португальских семей, в том числе Мендеш да Майа, из рода которого происходил воспитатель Афонсу, архиепископ Браги Найу Мендеш. На стороне инфанта выступили Гимарайнш, Брага и многие другие города – от Дору до Минью. Через год он собрал большое войско, но воинственная Тереза еще долго сопротивлялась. Только 24 июля 1128 года в битве при Сан-Мамеде Афонсу удалось одержать победу над войском матери, а саму ее взять в плен.

Но, заточив свою мать, юный глава Португальского графства не угодил Риму. У донны Терезы было немало влиятельных друзей в Ватикане, которые, несмотря на ее скандально-провокационное поведение, расценили действия Афонсу как нарушение сыновнего долга. Они повлияли на главу католической церкви, и тот в категорической форме потребовал от Афонсу немедленно освободить мать. Неисполнение повеления Папы Римского грозило юному графу отлучением от церкви. В Брагу, где находился в то время бунтарь, приехал папский легат, объявивший ему о решении главы Ватикана. А так как Афонсу и не думал сдаваться, события могли принять драматический характер.

О том, как именно разрешился этот конфликт, существует немало преданий. Одно из них изложено в книге писателя Рафаэля Сабатини «Капризы Клио». В главе «Отпущение грехов» он в художественной форме попытался воссоздать эти драматические события португальской истории. В его интерпретации дело обстояло следующим образом. Первым, кто поведал Афонсу об ультиматуме Папы Римского, был его друг и духовный наставник – епископ Коимбрский. Он уговаривал инфанта смириться с этим решением и освободить донну Терезу из заточения. Но тот в ответ лишь залился краской гнева и с возмущением прогнал его. На следующий день епископ то ли от страха, то ли от ощущения собственного бессилия покинул Коимбру и отправился на север страны, к городу Порту. А на дверях коимбрского собора появился пергамент, сообщающий об отлучении инфанта от церкви. Узнав об этом, Афонсу облачился в латы, набросил на плечи отороченную золотом белую мантию и в сопровождении своего сводного брата Педру и рыцарей Эмигиу Мониша и Санчо Нуньеса прискакал к собору. Он сорвал пергамент и смял его, а затем приказал бить в колокола.

Вскоре на церковном дворе вокруг инфанта собрались члены монашеского ордена. Он заявил им, что, будучи богобоязненным христианским рыцарем, не признает этой анафемы, а поскольку отлучивший его епископ сбежал, предложил избрать нового. Монахи отказались выполнить волю графа, и тогда он сам выбрал из их числа епископа и заставил его во время торжественной мессы объявить о снятии анафемы. Но члены монашеского ордена не смирились с таким произволом и срочно отправили в Рим подробный доклад о кощунственной проделке инфанта. Папа Римский поспешил восстановить авторитет церкви и отрядил к юному бунтарю, незаконно правившему Португалией, своего легата кардинала Коррадо в сопровождении двух его племянников – римских патрициев Джан-нино и Пьерлуиджи да Коррадо.

Кардинал застал Афонсу в старом мавританском дворце, служившем ему резиденцией, за веселой пирушкой с друзьями. Юноша, не ожидая ничего хорошего от этого визита, принял папского посланника сдержанно. Оскорбленный его неучтивостью, легат жестко объявил ему цель своего появления: «Я прибыл, дабы преподать вам урок веры, о которой вы, похоже, напрочь забыли. Я приехал, чтобы научить вас блюсти свой христианский долг и потребовать

немедленного исправления последствий ваших святотатственных деяний. Папа требует немедленно восстановить в прежнем положении епископа Коимбры, которого вы изгнали из города, угрожая насилием, и низложить священнослужителя, богохульно поставленного вами на место законно избранного епископа... Мы требуем также, чтобы вы тотчас освободили даму, вашу мать, которую вы несправедливо заточили в узилище и держите там». Афонсу попытался объяснить кардиналу, почему он содержит королеву в неволе: «Возможно, Рим поверил лживым наветам. Донна Тереза вела распутную жизнь, и мой народ страдал от несправедливости во время ее правления. Вместе с пресловутым сеньором Трава она разожгла пожар гражданской войны в подвластных ей землях. Узнай же от нас правду и поведай ее Риму». Но папский посланник остался непреклонным. И тогда вспыльчивый и порывистый Афонсу прогнал его прочь.

А на следующий день стало известно, что разгневанный кардинал отлучил от церкви всех жителей Коимбры. Храмы города были закрыты до тех пор, пока отлучение не будет снято. Ни одному священнику не разрешалось крестить, венчать, исповедовать и отпевать умирающих. Народ был объят страхом и, зная, что анафема была наложена из-за инфанта, умолял его избавить их от ужасов отречения. Папский посланник к тому времени уже покинул город, и Афонсу отправился за ним в погоню. Он догнал его в маленькой деревушке, где тот остановился на постоялом дворе, и стал требовать снять анафему с Коимбры. «Я могу понять и снести твоё желание покарать меня при помощи орудий церкви за грехи, которые ты мне приписываешь, – сказал инфант кардиналу. – Быть может, тут есть некий резон. Но скажи, какой смысл наказывать целый город за проступок, который совершил – если вообще совершил – я один?» На что получил такой ответ: «Ужас заставит горожан взбунтоваться против тебя. Если, конечно, ты не избавишь их от проклятия. У меня, государь, есть отличное средство удержать тебя в узде. Либо ты покоришься, либо будешь уничтожен».

И тут Афонсу решился на небывалый поступок. Он приказал своим рыцарям схватить племянников кардинала и повесить их без причастия. Видя, что инфант не остановится ни перед чем, сеньор Коррадо стал на коленях умолять Афонсу проявить милосердие и отпустить его близких. Но тот был неумолим, и по его приказанию на шеи несчастных рыцари уже накинули веревки. И тогда кардинал сдался. Он крикнул инфанту: «Заставь их остановиться! Проклятие будет снято». Но дерзкому юноше было мало этого обещания. Теперь он диктовал свои требования папскому посланнику: «Выслушайте условия, которые вам надо принять, чтобы спасти им жизнь. Полное отпущение грехов и апостольское благословение для моих подданных и меня самого. Нынче же вечером. Я, со своей стороны, готов исполнить волю его святейшества и освободить из заточения мою мать, но при условии, что она тотчас же покинет Португалию и больше не вернется сюда. Что касается изгнанного епископа и его преемника, то пусть все остается как есть... Вот так, сеньор. Мне кажется, что я достаточно великодушен. Освободив свою мать, я даю вам возможность ублажить Рим». Кардинал выполнил все условия Афонсу, который, в свою очередь, выделил донне Терезе замок на севере страны, где она и провела оставшиеся два года своей жизни с графом Фернандо Пересом де Трава.

Так ли в действительности развивались события, или многое из описанного Сабатини является плодом его художественной фантазии, остается только гадать. Скупые исторические источники позволяют лишь констатировать тот факт, что в результате победы в битве при Сан-Мамеде 24 июня 1128 года Афонсу отстранил от власти свою мать и стал главой Португальского графства. К этому стоит добавить, что в их междоусобной борьбе, помимо противоборствующих феодальных группировок, выступавших на стороне Терезы или Афонсу, большое значение имела также позиция других слоев населения. В частности, как уже говорилось, за инфанта выступили Гимарайнш, Брага и другие городские центры – от Дору до Минью. По сообщению хроники, Афонсу призвал «своих друзей и бедняков Португалии, которые предпочитали его правление правлению его матери и недостойных чужаков», выступить под его

знаменами. Объяснить этот, казалось бы, не свойственный для феодального мира призыв и оказанную Афонсу поддержку можно тем, что попытка феодалов, поддерживающих королеву Терезу, вернуть Португалию в состав Леоно-Кастильской монархии привела бы к войне и грабежам на территории Португалии. В свете этого Афонсу выступал в роли защитника своих подданных. Можно сомневаться в мотивировке и оценке этих событий хронистом, но сам факт попытки включения в борьбу более широких слоев населения бесспорен. Эта черта политической жизни Португалии в дальнейшем пройдет красной нитью через всю ее средневековую историю.

Еще одним немаловажным условием поддержки молодого правителя Португалии как со стороны населения страны, так и со стороны Ватикана являлась его готовность продолжать непримиримую борьбу с мусульманами, которую вел его отец. Война против арабского владычества стала для него священным долгом, который он истово исполнял до конца своей жизни. И за это католическая церковь готова была отпустить ему все грехи.

Строитель португальского государства

Первые годы правления Афонсу были связаны с урегулированием отношений с Леонско-Кастильской монархией. С 1132 года не прекращались и его междоусобные стычки с Галисией из-за спорных земель и замков. Но в 1135 году король Леона и Кастилии Альфонсо VII был провозглашен императором Испании. Через два года в Туе он заключил с Афонсу мирный договор, по которому молодой португальский правитель признавал свое вассальное подчинение императору в обмен на неприкосновенность северных границ Португалии. Этим договором Афонсу еще раз доказал свое умение находить компромисс при решении спорных проблем. Интересно, что даже в этом «межгосударственном» документе не обошлось без упоминания об арабских завоевателях. В отдельном пункте договора предусматривалось, что если в земли Альфонсо вторгнется «какой-либо король христиан или язычников», то Афонсу обязан помогать их оборонять.

Но правитель Португалии и без договора с 1130 года рьяно защищал южные границы страны от набегов мусульман. И большинство его военных кампаний против мавров были успешны. Особенно удачным стало сражение, состоявшееся 25 июля 1139 года при Орике, в котором он одержал решительную победу над объединенными войсками бадахосского, севильского, эворского, уэльского и бежского эмиров, выступивших на завоевание Коимбры. С этой битвой связана легенда, по которой перед боем у Афонсу было видение – ему явился Иисус Христос, который сказал, что он одержит победу. Так и произошло. Историки по-разному оценивают это событие. Некоторые из них считают, что битва при Орике была всего лишь незначительным «весенним» набегом арабов и достигнутая в ней победа имела не столько стратегическое, сколько моральное значение, подняв престиж Афонсу как борца с мусульманским владычеством. Однако, по легенде, именно за эту победу солдаты незамедлительно провозгласили Афонсу королем. Это решение было утверждено португальскими кортесами – сословно-представительским собранием депутатов, состоявшимся в Ламегу. А в 1143 году Афонсу короновал в Браге епископ Иоанн Станный. Это означало, что отныне Португалия больше не является феодальной вотчиной Кастилии, а становится полноправным независимым государством. С победой при Орике связано и возникновение герба Португалии. Пять синих щитов на нем, расположенных в серебряном поле, символизируют пять поверженных при Орике исламских «королей», а пять серебряных гвоздей на каждом из щитов напоминают о распятии Христа.

Но одного самопровозглашения независимости было мало. Теперь Португалию должны были признать соседние государства и католическая церковь. Сначала Афонсу решил доказать эту независимость силой. Он собрал войска и, нарушив договор в Туе, отправился в поход на Галисию. Разбив армию Альфонсо VII, монарх-завоеватель захватил Туй и ряд галисийских земель. Только в 1143 году между соседями-родственниками было заключено новое мирное соглашение в городе Самора. Как следует из исторических документов, в соответствии с ним Альфонсо VII признавал самостоятельную Португалию, не входящую в состав Леона, а вот городом Асторгой Афонсу все же владел на правах вассальной зависимости от него. Фактически был признан и королевский титул португальского правителя. Став императором, Альфонсо VII с юридической точки зрения не имел ничего против вассала-короля.

Что же касается Афонсу, то его участие в Реконкисте, т. е. в борьбе с «неверными» в защиту христианства, и возвращение под его эгиду поработенного мусульманами населения и земель, захваченных арабами, и отпор притязаниям Кастилии – все это требовало экономической самостоятельности Португалии. И молодой король неустанно заботился об этом. Стремясь обеспечить процветание португальских городов, он пожаловал форалы Лиссабону, Сантарену, Визеу, Синтре и ряду других поселений. Для того чтобы обеспечить отвоеванные у мавров земли рабочими руками, Афонсу издавал многочисленные королевские грамоты и

форалы, в которых «отныне и вовек» были установлены повинности крестьян. Иногда он уничтожал этими грамотами личную зависимость крестьян от землевладельцев, а на новых землях, где жизнь была особенно трудна и опасна, о ней вообще и говорить не приходилось. Здесь селились пришельцы-христиане, крестьяне выходили в поле, вооруженные мечами, а каждый горожанин почитал свой священным долгом и обязанностью защиту городских стен и участие в королевских походах. Все это привело к тому, что уже к концу XII века личная зависимость крестьян и прикрепление их к земле – столь привычный элемент средневековой истории – в Португалии почти исчезли.

Главной формой освоения отвоеванных у арабов земель во время правления Афонсу Энрикеша была королевская колонизация. Он прекрасно понимал, что закрепление этих земель за португальским государством было невозможно без их освоения и заселения. Поэтому одной из важнейших забот короля стало восстановление старых укреплений и строительство новых замков. Об этом повествуют все хроники и документы тех лет. Так, при Афонсу дважды был отстроен замок в Лейрии, возведены новые замки в Жерманелу и Коруше.

Отвоеванные португальским правителем в ходе Реконкисты земли в основном заселялись пришельцами-христианами. Однако те из мусульман, которым удалось выжить, не изгонялись за пределы христианских владений. Им разрешалось заниматься прежним ремеслом, но жить они должны были только за пределами городских стен. Так вокруг крупных городов появились новые арабские кварталы – аррабалде. Афонсу издал несколько специальных форалов, регулирующих жизнь арабского населения, согласно которым, ворота этих кварталов, обнесенных собственной стеной, закрывались с вечерней зарей и жителям запрещалось их покидать до того, как начинали звучать колокола утренней мессы. В то же время христианки не имели права входить в пределы арабской общины без сопровождающих.

Одновременно с заботой о благе подданных Афонсу многое делал для укрепления церкви: он раздавал щедрые пожалования и дарения церквям, монастырям, монашеским орденам и рыцарям, сам основывал новые ордена и монастыри. Так, в 1153 году Афонсу основал бенедиктинский монастырь Санта-Мария в городе Алкобасе (ныне входит в Список памятников Всемирного наследия), в 1162-м в Сантьяго – орден св. Беннета, соединявший в себе военные и религиозные элементы, а в старинном городе Эвора – Ависский орден рыцарей. В 1144 году молодой король пожаловал ордену тамплиеров замок в Соуре, а в 1160-м они заложили замок Томар, который стал в Португалии главной резиденцией ордена. По инициативе тамплиеров восстанавливались и заполнились населением города Помбал, Эга и Сераш. В 1170 году орден присоединил к своим владениям замок Алмурол, расположенный на острове посреди Тежу, получив, таким образом, возможность контролировать в этом месте реку. Благодаря всему этому политика Афонсу, направленная на достижение юридической независимости государства, находила поддержку среди духовенства и знати. Если в начале XII века постоянно сталкивались интересы Сантьяго, Толедо и Браги из-за прав и привилегий, из-за подчиненности тех или иных епископств, то спустя тридцать лет португальские епископства уже проявляли открытое неповиновение. Так, в 1143 году епископы Браги, Коимбры и Порту отказались прибыть на Вальядолидский собор, объясняя это тем, что они не подчиняются Толедо. Таким образом, стремления к церковной и политической самостоятельности страны совпали.

В свою очередь Афонсу, заботясь о процветании духовенства, видел в церкви мощного гаранта действительной независимости Португалии, поэтому прилагал много усилий для упрочения своих отношений с римским престолом. Сразу же после заключения мирного договора с Альфонсо VII в Саморе Афонсу обратился к папе Люцию II с просьбой принять Португалию под свое покровительство как вассала, с условием выплаты Риму ежегодного взноса в размере 4 унций золота. Молодой монарх хорошо понимал, что любой договор может быть рано или поздно нарушен и поэтому искал мощной поддержки со стороны церкви. Оценивая этот шаг Афонсу, известный португальский историк А. Эркулану справедливо писал, что Португалия

могла избежать зависимости от Кастилии, только сменив ее на тень папского престола. Впрочем, молодого короля она не очень обременяла. Он считал, что сюзерен находится от него достаточно далеко и с уплатой взносов в папскую казну можно не спешить, уклоняясь от нее под всякими предложениями.

Риму также было выгодно сотрудничество с Афонсу. Папская власть была заинтересована в дальнейшем успешном проведении Реконкисты, которое он мог обеспечить. Война с арабами устраивала ее как с точки зрения религиозной, так и с точки зрения расширения христианского мира со всеми вытекающими из этого идеологическими, политическими и экономическими последствиями. Поэтому папы всегда благословляли войны с мусульманами. Кроме того, в конце XI века значительно возросли и теократические притязания Рима, его попытки усилить свое влияние на жизнь западноевропейских стран. Между тем существовавшие тогда на Пиренейском полуострове христианские государства в целом вели самостоятельную политику. Усиление Леоно-Кастильской монархии после принятия ее королями титула императора не могло не вызывать беспокойства папского престола, особенно на фоне его борьбы со Священной Римской империей¹. Поэтому Ватикан стремился постоянно контролировать и вмешиваться в дела пиренейских государств. Папские легаты неоднократно мирили королей, смещали неугодных епископов, налагали интердикты – церковные наказания, запрещавшие совершать богослужение и религиозные обряды. С одной стороны, Рим боялся дробления христианских сил перед лицом мусульман, а с другой – сам стремился расколоть пиренейские государства, чтобы подчинить их себе. Поэтому, когда Афонсу обратился к папе с предложением ленной присяги, тот благосклонно принял ее, обещал ему защиту и покровительство, но в то же время не признал Португалию самостоятельным королевством, а его самого – королем, и на протяжении долгих лет папская курия по-прежнему титуловала португальского государя герцогом.

Португалия была признана независимым государством только в 1179 году после издания Папой Александром III буллы, вручавшей Афонсу «Португальское королевство со всей полнотой королевских почестей и достоинством, которое следует королям», и все земли, которые он завоюет в будущем. При этом ежегодный взнос, выплачиваемый им Риму, был повышен почти в четыре раза – до 2 марок золота. Это долгожданное решение было продиктовано не столько успехами Португалии в Реконкисте, сколько политическим интересом Ватикана, который наконец увидел в португальском государе своего верного союзника в борьбе с имперскими устремлениями Кастилии. К тому времени Афонсу было уже семьдесят лет. С 1139 года он правил страной как самопровозглашенный король, и запоздалое папское признание за ним этого титула для него уже мало что значило. Свое государство он создал сам, отвоевывая и защищая новые земли у арабских династий Альморавидов и Альмоадов.

¹ Священная Римская империя (962—1806), с XV века Священная Римская империя германской нации. Основана германским королем Оттоном I, подчинившим Северную и Среднюю Италию (с Римом), включала также Чехию, Бургундию, Нидерланды и др. В конце XI–XII вв. ее императоры боролись с римскими папами за Италию. Постепенно власть императоров стала номинальной.

Монарх-завоеватель

Афонсу I Энрикеш по праву вошел в историю Португалии не только как первый ее король, но и как выдающийся военный деятель, прославившийся своими завоеваниями, которого португальцы почитают как национального героя. Он до конца своей жизни участвовал в воинских походах, несмотря на преклонный возраст и полученные ранения. Завоевания Афонсу на южных границах Португалии начались, если вы помните, с разгрома мусульманских войск при Орике (1139 г.) и продолжались до 1184 года, т. е. в течение 45 лет. После этой победы все устремления молодого тогда короля были направлены на взятие Лиссабона – крупнейшего торгового и ремесленного центра западной части полуострова, который контролировал и устье реки Тежу, и морское побережье. Уже в 1142 году он попытался овладеть этим городом. Но, несмотря на то что в этом походе ему помогали английские и нормандские рыцари, которые по пути в Святую землю сделали остановку в Порту, сил для взятия этого очень хорошо укрепленного города ему оказалось недостаточно. Афонсу пришлось удовлетвориться обещанием мавританского правителя Лиссабона выплачивать дань Португалии. После этого осада города была снята.

Однако мысль о взятии Лиссабона не покидала португальского правителя. Прошло пять лет. Учитывая свой прежний неудачный опыт, он решил начать новую военную кампанию с завоевания небольшого городка Сантарена, который как будто «сторожил» подходы к Тежу с севера. С 715 года он находился под властью мусульман, и вот теперь настало время вернуть его под юрисдикцию Португалии. В марте 1147 года Афонсу отправил в город троих вестников, чтобы предупредить горожан о разрыве мирного договора. Сам же в спешном порядке выступил с войском и уже через пять дней, 15 марта, был под стенами города. Его расчет на внезапность оправдался. При поддержке рыцарей ордена тамплиеров, которые и раньше неоднократно участвовали в военных походах Афонсу, Сантарен был взят в тот же день. Теперь Афонсу была открыта дорога на Лиссабон. Однако лиссабонская кампания началась только в июне. Почти три месяца король провел в ожидании «франков» – западноевропейских рыцарей-крестоносцев, флот которых должен был летом по пути в Палестину остановиться в Порту. Когда их корабли прибыли, епископ Порты, по обычаю его страны, поприветствовал крестоносцев и передал им просьбу Афонсу помочь в осаде Лиссабона, за что они будут достойно вознаграждены. Предводители «франков» встретились с королем и обсудили условия осады.

Перед началом боевых действий была проведена месса, во время которой случилось нечто из ряда вон выходящее: гостия – облатка из пресного пшеничного теста, употреблявшая с XII века в католической церкви для причащения, к ужасу собравшихся оказалась пропитана кровью. Разгорелись споры по поводу толкования этого явления: одни считали его грозным предзнаменованием, другие, напротив, – благим знаком. Так или иначе, но христиане решили не отступать от задуманного и драться до победы.

Сражение под стенами Лиссабона продолжалось 20 недель. Осаждавшие неоднократно пытались делать подкопы, чтобы разрушить крепостные стены. Они соорудили передвижные осадные башни и ежедневно шли с ними на приступ. Положение города с каждым днем все усложнялось, и его правитель попытался обратиться за помощью к другим мусульманским городам. Только одному гонцу удалось добраться до Эворы, да и тот был убит на обратном пути крестоносцами. Попавший в их руки ответ правителя этого города ничем не облегчил бы участи лиссабонцев: он отказался оказать им помощь, поскольку не смел нарушить мирный договор с Афонсу.

Кольцо осады вокруг Лиссабона непреодолимо сжималось. Его не могли разорвать отдельные вылазки арабских воинов за стены города. Погибшие в этих боях арабы подвергались крестоносцами поруганию: их головы насаживались на кол и выставлялись у городских

стен, несмотря на все просьбы мусульман отдать тела убитых для погребения. К тому же в Лиссабоне начался голод. После четырех с лишним месяцев осады правитель города вынужден был обратиться к Афонсу с просьбой о перемирии. Он выдвигал перед королем только одно условие: лиссабонцам будет разрешено беспрепятственно покинуть город, оставив завоевателям золото, серебро и другое имущество.

Однако такие условия сдачи Лиссабона не устраивали крестоносцев. Многие из них настаивали на штурме города, тогда они могли бы делить добычу по собственному усмотрению. Споры между осаждающими нередко перерастали в стычки – воины хватались за мечи. Только решительность Афонсу положила этому конец. Король потребовал, чтобы предводители «франков» успокоили своих людей, только после этого он примет окончательное решение. Постепенно страсти улеглись. На совете было решено, что в завоеванный город войдет отряд из 300 крестоносцев, в котором в равном количестве будут представлены все подразделения христианского воинства. Он займет цитадель Лиссабона, в которую его жители доставят свои драгоценности и другое имущество. Таким образом, все получат должное вознаграждение, а новое владение Португалии не будет разорено. Но на деле все вышло иначе. Как только ворота города открылись, ряды крестоносцев смешались и они вскачь, опережая друг друга, помчались по улицам, грабя и убивая. Среди жертв алчных победителей оказался и епископ Лиссабона. Старец, переживший все невзгоды долгой осады, пал с перерезанным горлом от руки христианина. Вспыхивали драки и среди самих победителей, не поделивших награбленное. Вскоре они перешли в настоящую резню. Улицы Лиссабона были завалены телами убитых, которых некому было хоронить.

1 ноября 1147 года была освящена лиссабонская мечеть, которая теперь стала христианским храмом. Вместо убитого епископа был назначен новый, им стал английский прелат Джилберт Гастингский. Часть крестоносцев осталась в городе, получив здесь владения в качестве вознаграждения за участие в этом походе. А король перенес в этот прекрасный приморский город с отличной гаванью свою столицу. Подробности лиссабонской кампании Афонсу стали известны благодаря рукописи «Завоевание Лиссабона», составленной английским клириком по имени Осберн (Осберт), который принимал в ней участие. Она представляла собой, судя по всему, письмо, отправленное на родину крестоносца. Внимательный взгляд непосредственного участника этих событий, определенная отстраненность в их изложении делают рукопись Осберна одним из важнейших памятников по истории средневековой Португалии.

Взятие Лиссабона, являвшегося ключом к южным и центральным областям страны, стало значительной вехой в португальской Реконкисте. Обладание им существенно повышало экономическую и политическую значимость королевства, дало Афонсу Энрикешу власть над новыми землями. Но еще немало городов оставалось под властью арабов. Поэтому король в течение следующего десятилетия продолжал медленное, но неуклонное наступление на юг, дойдя к 1158 году до города Одемира, хотя некоторые завоевания давались ему нелегко: так, только с четвертой попытки его войско смогло взять (24 июля 1158 года) мощную крепость арабов Алькасер. В следующем году он овладел такими большими южными городами, как Эвора и Бежу. Затем ему без боя сдались Мора, Серпа и Эльваш. Но после этого дальнейшее продвижение войск Афонсу было остановлено альмоадами – мавританскими племенами, вторгшимися на Пиренейский полуостров из северных районов Африки и подчинивших себе южные арабские эмираты. Уже в 1161 году мусульмане вернули себе Эвору и Бежу (впрочем, они еще не раз переходили из рук в руки).

В войске Афонсу было немало смелых рыцарей. Один из них, по имени Жиралду, прозванный Бесстрашным, особо отличился во время сражений с альмоадами в Алентежу. По преданию, он совершил какой-то проступок, навлекший на него гнев Афонсу. Из-за этого рыцарю пришлось бежать в Алентежу. В схватках с мусульманами он взял не один замок, стремясь боевыми заслугами вернуть себе милость короля. Жиралду проникал в замки «неверных»

ночью. Блестяще владея арабским языком, он обманывал охрану и беспрепятственно проникал в помещения. А утром замок оказывался в руках его воинов. Такими молниеносными захватами он заслужил грозную славу. Осенью 1165 года рыцарю удалось отвоевать у арабов Эвору, ставшую достойным даром Афонсу, за который Жиралду наконец получил у него прощение. Этого рыцаря нередко называют португальским Сидом – из-за сходства судьбы, военной дерзости и удачливости, какими славился его кастильский собрат.

Арабы были не единственным противником Португальского королевства. В разные периоды своего правления Афонсу приходилось сражаться и со своими ближайшими соседями – христианскими государствами. Так, его войска были дважды разбиты в 1167 году королем Леона Фернандо II у Бадахоса, а сам правитель Португалии получил ранение в результате падения с лошади и был взят под стражу солдатами леонского правителя. Тогда Португалия вынуждена была капитулировать, отдав Фернандо II в качестве выкупа все завоеванное до этого Афонсу в Галисии. Вместе с тем были и случаи совместного выступления Афонсу с государем Леона против арабов. Одним из примеров может служить сражение 27–28 июня 1184 года у города Касереса между христианами, возглавляемыми Афонсу I и Фернандо II, и мусульманами во главе с халифом альмоадов Юсуфом. Тогда же, несмотря на преклонный возраст, у португальского короля было еще достаточно энергии, чтобы освободить из осажденного маврами города своего сына Саншу. Однако эта битва стала последней в воинской биографии Афонсу I Энрикеша, прозванного Завоевателем. Жить ему оставалось не более полугода.

Король умер! Да здравствует король!

Первый король Португалии скончался 6 декабря 1185 года в Коимбре в возрасте 76 лет и был похоронен в монастыре Санта-Круш. Его правление длилось 57 лет – он правил сначала в качестве графа, а потом короля. Притом, эти годы прошли в военных походах, где, непосредственно участвуя в сражениях, он ежеминутно рисковал жизнью. Афонсу I Энрикеш не только сумел сделать Португалию независимым королевством, но и расширил ее границы к югу от реки Мондегу и далеко за реку Тежу. А еще он явился основателем Бургундской королевской династии, которая царствовала в Португалии до 1383 года. Практически все ее представители, так же как и Афонсу, отличались силой характера и величием замыслов, укрепляли и защищали свое государство. Может быть, поэтому они тоже правили долго: Афонсу III – 34 года, Диниш – 46, Афонсу IV – 32. Но всех их, конечно же, превзошел Афонсу I Энрикеш, который по праву считается «старейшиной европейской монархии».

Он был не только правителем государства, но и главою большого семейства. Еще в 1146 году Афонсу женился на Мафальде (Матильде) Савойской, дочери графа Амадея III Савойского. От этого брака родилось семеро детей. Но, помимо законных, у любившего плотские утехи государя было еще пять внебрачных детей – обычное явление для того времени. Все они занимали достойное место в кругу португальской знати, но королевскую корону получил только один из сыновей Афонсу, ставший следующим правителем Португалии – Саншу I. В отличие от отца, он не был воинственным человеком. Главной его заботой стало установление порядка на тех землях, которые были завоеваны его предшественником и уже вошли в состав королевских владений. Поэтому по португальской исторической традиции он получил прозвище Освоителя.

В отличие от отца, Саншу не раз вступал в конфликты как с папской курией, так и с местным духовенством. Он почти 20 лет не посылал вассальные выплаты Ватикану, несмотря на неоднократные требования и запросы Святого престола, а также пытался ограничить земельные владения португальских церковников. Так, он отнял у коимбрского епископа два замка, а его вмешательство в дела епископа Порту привели к тому, что папа наложил интердикт на все королевство, который был снят лишь перед самой смертью Саншу.

Выдающийся португальский поэт Луиш де Камознс в поэме «Лузиады», пронизанной любовью к истории своей страны и народа, написал такие восторженные строки:

Блеск португальской славы не исчез,
И в памяти он сохранится вечно.
Судьба явила ныне без завес,
Что, выполняя долг свой безупречно,
Луз превзошел величием своим
Ассирию, и Грецию, и Рим.

И хотя эта поэма посвящена португальскому королю Себастьяну, эти слова можно по праву отнести и к его далекому предшественнику – Афонсу I Энрикешу, с которого, собственно, и начался блеск португальской славы на Пиренейском полуострове.

«Король – Солнце»

Морозным днем 22 января 1687 года к зданию Лувра – древней «усыпальницы французских королей», – переданному Людовиком XIV Французской академии, съехалось множество карет. Это столпотворение из ученых мужей, государственных деятелей, представителей литературы и высшей знати было вызвано премьерой поэмы «Век Людовика Великого», написанной французским писателем, академиком и государственным деятелем Шарлем Перро, больше известным миру по своим сказкам. Особую значимость этому событию придавало присутствие в академическом зале самого короля.

Поэму можно было бы счесть за очередной панегирик венценосной особе, каких немало сочинялось в честь правителей и в других странах, если бы не одно обстоятельство. Восхваляя в ней ум, решительность, мудрость и военный талант французского монарха, Перро прославлял тем самым не только его самого, но и эпоху его правления, считая, что по развитию культуры, образованности, науки и медицины она намного превзошла античные идеалы. В поэме, в частности, говорилось:

Чтить древность славную прилично, без сомненья!
Но не внушает мне она благоговенья,
Величье древних я не склонен умять,
Но и великих нет нужды обожествлять.
И век Людовика, не заносясь в гордыне,
Я с веком Августа сравнить посмею ныне.

В своем произведении Перро ниспровергал авторитеты общества Ренессанса, отстаивая свою веру в нравственный прогресс, в достижение новых высот в науке, культуре и искусстве, которые, по его мнению, явственно проявились во Франции XVII века, который он назвал Великим, и во многом превзошли античную цивилизацию.

Слушатели поэмы кардинально разошлись в ее оценке: приверженцы «древних», к числу которых относился Никола Буало, были оскорблены услышанным, те же, кто разделял мнение автора, видели будущее развития человеческой цивилизации в разрыве с античными традициями. Относился ли к их числу и король, трудно утверждать, но при завершении чтения произведения он милостиво кивнул поэту.

Сегодня уже никто не сомневается, что XVII век занимает в истории Франции и Европы в целом исключительное положение. В этот период страна достигла небывалого культурного развития, в своем стремлении к совершенству она стала поистине законодательницей моды в архитектуре, музыке, литературе и театре на всем европейском континенте, доводя каждое нововведение в этих сферах деятельности до совершенства. Некоторые исследователи правления Людовика XIV, благодаря которому это стало возможным, считают, что при нем даже война была «идеальной», где каждая военная операция превращалась королем в настоящий спектакль.

Однако сам Людовик XIV до сих пор вызывает как у историков, так и у писателей самые противоречивые мнения. Это отношение четко выразил Александр Дюма, который в книге «Жизнь Людовика XIV» написал следующее: «Быть может, Людовик XIV один до сих пор избег справедливого суда истории. Он был объявлен непогрешимым одними, а другими обвинен в недостатке всех достоинств. Ни об одной коронованной особе не было столько и таких разнообразных суждений, как о нем, и никто не слышал более громких похвал и более несправедливых обвинений». Так же дело обстоит и сегодня.

Действительно, не может не возникнуть вопрос, как человек, который не был ни дальновидным политиком, ни мудрым мыслителем, ни искусным полководцем, сумел укрепить территориальную целостность своего королевства, достичь пика абсолютистской власти, создать единый экономический рынок и оказать такое большое влияние на французскую культуру, определив главные направления ее развития на многие десятилетия вперед? К тому же Людовик XIV правил Францией гораздо дольше других монархов – 72 года. Так в чем же состоял секрет его политического долголетия?..

Богоданный чудо-ребенок

Долгожданный наследник у венценосной четы – Людовика XIII и испанской инфанты Анны Австрийской – появился на свет 5 сентября 1638 года, когда их возраст уже приближался к 40 годам и надежды на его рождение почти угасли. Отсутствие потомства, видимо, объяснялось тем, что супруги на протяжении долгих лет совместной жизни питали друг к другу неприязненные чувства и король редко разделял брачное ложе с женой. А может быть, виной всему было злосчастное падение королевы в начале 1623 года, в результате которого ее первая беременность окончилась выкидышем. Как бы то ни было, но царственные супруги, почитая рождение наследника своим государственным долгом, предпринимали для этого немало усилий: королева Анна ездила на воды в Нормандию, совершала паломничества, обращалась за помощью к святому Норберту, а Людовик принес обет Богородице, вверив ее покровительству Францию. Так или иначе, но эти усилия наконец-то увенчались успехом.

В ожидании родов королева поселилась в Сен-Жерменской резиденции, в пригороде Парижа. В то время мост через Сену в том месте отсутствовал, и для оповещения о предстоящем событии на ее левом берегу поставили часовых, которым велели наблюдать за окнами королевской спальни и передавать знаками известия. Если королева родит дочь, то они должны были встать по стойке смирно, сложив руки на груди крест-накрест, если сына – кричать от радости и махать шляпами. 5 сентября в полдень их ликующие крики были услышаны на противоположном берегу Сены, и по живому телеграфу, расставленному вдоль дороги, радостная весть быстро донеслась до Парижа.

По случаю рождения наследника французского трона два дня палили пушки, бил большой дворцовый колокол и колокол на Самаритянской башне, по всей столице были бесплатно выставлены бочки с вином, накрыты столы, а у городской ратуши устроен фейерверк. По улицам разъезжали торжественные колесницы с музыкантами, которые играли веселые песни, а на площадях при свете факелов актеры разыгрывали комедии. Так Париж приветствовал маленького дофина, которого называли богоданным ребенком. Известный астролог Томазо Кампанелла составил гороскоп будущего короля. В нем говорилось: «Этот младенец будет горд и расточителен, как Генрих IV. Он будет иметь много забот и трудов во время своего царствования. Царствование его будет продолжительно и в некоторой степени счастливо, но кончина его будет несчастна и повлечет за собой большие беспорядки в религии и государстве». Это был тот редкий случай, когда почти все, предсказанное астрологом, сбылось...

Королевский первенец радовал родителей и двор своей жадной жизнью: он родился с двумя молочными зубами и обладал завидным аппетитом. В раннем детстве этот голубоглазый и краснощекий малыш с золотистыми кудряшками был похож на ангелочка. Он рос очень подвижным и любознательным ребенком. Но на людях мальчик старался не проявлять присущей ему ребячливости и был серьезен не по годам. К примеру, вот какой портрет десятилетнего дофина составил венецианский посол: «Красота, спокойствие и важность придают совершенство его внешности, его лицо являет серьезность и строгость. Меланхолия властвует над ним в том возрасте, который обычно полон живости». Уже тогда в будущем короле проявлялась черта, о которой впоследствии напишет его наставник, кардинал Мазарини: «Он будет великим королем: он никогда не говорит то, что думает».

По правилам дворцового этикета, дофин начал исполнять официальные обязанности наследника престола... сразу же после рождения. Уже 6 сентября младенец давал в своих покоях «аудиенцию» делегатам Парижского парламента. Присутствовавший на ней генеральный прокурор Матье Моле рассказывал, что королевский отпрыск возлежал под большим балдахином из вышитого цветами белого Дамаска на белой шелковой подушке, которую держала его няня. Перед его ложем находилась большая балюстрада, так что наследника престола

можно было лицеизреть лишь с двадцати шагов. Няня дофина сказала, что он открыл глаза, чтобы видеть своих верных слуг.

Маленький дофин буквально купался в родительской любви. Несмотря на рождение в 1640 году второго сына, Филиппа, ставшего впоследствии герцогом Анжуйским и Орлеанским, основное внимание король и королева уделяли своему первенцу. К сожалению, отец занимался его воспитанием недолго, он умер в 1643 году, когда сыну исполнилось всего пять лет. Мальчик вряд ли хорошо помнил его. Тем не менее несколько романтизированный образ отца остался в памяти будущего короля на всю жизнь и служил ему примером для подражания. Несмотря на то что для Людовика XIV был не приемлем стиль отцовского правления, при котором государственные дела всецело доверялись первому министру, он уважал его за то, что большую часть своей жизни тот провел на поле брани. Благодаря походной жизни Людовик XIII обладал многими «экстремальными» для монарха навыками: сам заправлял свою постель, был непритворлив в еде и даже слыл неплохим кулинаром. А еще старый король был страстным охотником, и это увлечение не мог не унаследовать его сын. Не случайно, возводя потом свою резиденцию в Версале, Людовик XIV велел обновить маленький охотничий домик отца, сделав его центром нового дворцового ансамбля. Многие унаследовал сын и из отцовского характера: был по натуре таким же углубленным в себя, склонным к скрытности и сдержанности во внешнем проявлении чувств. Видимо, именно этой глубинной связью отца и сына было продиктовано последнее желание Людовика XIV, чтобы его сердце было похоронено рядом с сердцем его отца, Людовика XIII.

Что касается отношения дофина к Анне Австрийской, то, по словам Ш. Перро, «не было сына, который выказывал бы большее почтение своей матери за всю свою жизнь». Королева заботилась не только о здоровье своего первенца, не отходила от его постели во время болезней, но и оказывала большое влияние на его нравственное воспитание.

История сохранила несколько противоречивых характеристик королевы Анны. Ее политический оппонент, кардинал де Рец, писал о ней весьма нелицеприятно и зло: «В ней было больше язвительности, чем высокомерия, больше высокомерия, чем величия, она была скорее манерна, чем глубока, скорее неумела с деньгами, чем щедра, скорее привязчива, чем страстна, скорее негибаема, чем горда, дольше помнила обиды, чем добрые дела, она в большей степени хотела выглядеть благочестивой, чем была ею, она была скорее упряма, чем тверда, скорее посредственна, чем талантлива». А вот живший долго при дворе герцог де Ларошфуко, напротив, считал, что «она была очень хороша собой, добра, нежна и очень галантна; в ней не было ничего фальшивого – ни в характере, ни в уме. Она отличалась большой добродетелью». Действительно, будучи очень набожным человеком, Анна Австрийская не пропускала ни одного поста или большого религиозного праздника, постоянно навещала монастыри, где еженедельно причащалась. К такой же регулярности в исполнении религиозных обрядов она с детства и на всю жизнь приучила и Людовика. Внушая сыну чувство королевского достоинства, она в то же время старалась не избаловать его и была с ним достаточно строга. Когда однажды девятилетний мальчуган от каприза перешел к дерзости, королева разгневалась и сказала: «Я вам покажу, что у вас нисколько нет власти, а у меня она есть! Уже давно вас не секли!» Людовик тут же бросился перед ней на колени и попросил прощения. Даже будучи взрослым человеком и полновластным правителем страны, он по-прежнему побаивался упреков матушки за свои амурные похождения. Ее мучительную смерть от рака груди в начале 1666 года Людовик пережил как огромное горе.

По традиции того времени забота и воспитание мальчика до семи лет находились в основном в женских руках. С 1643 года он жил вместе с матерью в Пале-Рояле, в очень простой и скромной обстановке. А как только ему исполнилось семь лет, за воспитание и образование наследника взялись мужчины. Для этого ему был назначен специальный наставник. Им стал крестный отец Людовика, кардинал Мазарини, подбиравший дофину учителей и следивший

за его обучением. Король и его брат Филипп учились по руководствам, составленным для них литератором и эрудитом Ламот-Левейе. Они получили основы географии, риторики, морали, экономики, политики, логики, физики. Воспитателями не были обойдены и такие предметы, как этикет и культура общения. Наряду с уроками танцев, верховой езды и фехтования Людовика обучали музыке: он научился играть на лютне, клавесине, а благодаря Мазарини пристрастился к игре на гитаре. Вместе с тем в программе обучения короля почти отсутствовали естественные науки, не был он знаком и с правоведением, философией, теологией и т. п.

Были у Людовика и учителя, которые посвящали его в секреты военного ремесла. Они обучали его стрельбе из мушкета и владению шпагой и пикой. Для отработки азов военного ремесла для него даже был построен небольшой форт, в котором он учился разбивать военный лагерь. Людовик очень любил лагерь, битвы, езду верхом и запах пороха. Будущий монарх знал, что Франция, как и любое другое государство, вряд ли обойдется без военных конфликтов и такие знания ему могут пригодиться. Его физическая форма восхищала современников даже в преклонные годы. По свидетельству герцога де Сен-Симона, король «очень любил свежий воздух и всякие телесные упражнения, пока был в состоянии заниматься ими. Превосходно танцевал, играл в шары, в мяч. Даже в пожилом возрасте оставался великолепным наездником... Он любил стрелять, и не было никого, кто стрелял бы так метко и с таким изяществом».

В перечень «обязательных предметов» для будущего монарха входило также обучение умению управлять страной, и для постижения его мальчика с детства приобщали к государственным делам: он присутствовал на заседаниях Государственного совета и парламента, выслушивал доклады чиновников. Своеобразной школой управления было для него и общение со своим главным наставником – Мазарини. Кардинал, во многом разделявший суждение о том, что «политика – вот истинная грамматика, которую должны изучать короли», ежедневно – на практике – давал ему уроки «королевского мастерства», посвящая в тонкости дипломатии. Так что не прав был великий Вольтер, когда писал, что «Людовика XIV не учили ничему, кроме танцев и игры на гитаре». Другое дело, что сам подопечный не всегда добросовестно относился к учебе, и учителя неоднократно жаловались Мазарини, что дофин ленится на уроках. К тому же он не получил навыков самостоятельной работы с книгами. Возможно, что отсутствие интереса к чтению передалось ему от Анны Австрийской. Королева-мать тоже не любила читать, предпочитая абстрактному книжному знанию опыт и здравый смысл, и не приобщила к книжной культуре сына. Впоследствии Людовик XIV не раз сожалел об упущенных возможностях. Так, в 1694 году, обращаясь к воспитанницам Сен-Сира, он назвал себя «невеждой» и посетовал на то, что в годы своего детства «не получил хорошего воспитания». Видя недочеты в собственном образовании, он до конца своей жизни самостоятельно восполнял их, изучая историю, военное дело, литературу.

В тени всесильного кардинала

Согласно давней традиции, регентство при несовершеннолетнем короле Франции должна была осуществлять его мать. Людовик XIII никоим образом не мог эту традицию нарушить, но, испытывая неприязнь и недоверие к королеве, которую, как сестру испанского короля, подозревал в тайных сношениях со своим врагом – Испанией, он решил ограничить ее во властных полномочиях. По завещанию Людовика, после его смерти для управления страной при малолетнем короле должен был быть создан регентский совет, в котором Анне Австрийской отводилась роль рядового участника. Однако ей удалось при поддержке парижского парламента аннулировать завещание мужа и стать единоличной регентшей. Для этого 18 мая 1643 года Людовик XIV появился в парламенте, чтобы принять Акт справедливости. Выглядело это так: маленький король пролепетал несколько слов о том, «что он пришел в парламент, чтобы подтвердить свою добрую волю», а остальное за него сказал канцлер. Комментируя это событие, герцог Сен-Симон обвинял королеву в узурпации власти: «Король чуть ли не с рождения был обезволен коварством матери, которая сама хотела править, а еще более – своекорыстными интересами злокозненного министра, тысячекратно рисковавшего благом государства ради собственной власти». С этим можно согласиться с единственной оговоркой: королева взяла реванш за долгие годы унижений со стороны мужа. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после его кончины она решила наверстать упущенное и, питая абсолютную симпатию и доверие к кардиналу Мазарини, объединила с ним свои усилия по управлению страной. Так гордая испанка и хитрый итальянец фактически более чем на десятилетие оказались во главе Франции.

Кардинал Джулио Мазарини играл важную роль в государстве еще при Людовике XIII. Он стал одним из самых неожиданных и ценных «приобретений» для Франции, «преподнесенным» королю его главным министром Ришелье. Однако служить королю Мазарини было суждено меньше года, а всю остальную жизнь он провел во времена царствования его преемника, твердо держа бразды правления государством в своих руках.

Современники по-разному характеризовали Мазарини. Ришелье называл его «самым великим государственным человеком», а народ сочинял о нем массу оскорбительных и скатерных стихов и песен. Наиболее полную характеристику кардиналу дала королева Швеции Христина, одна из самых просвещенных женщин своего времени. Она написала о Мазарини следующее: «Это человек осторожный, ловкий, тонкий, желающий, чтобы его считали придворным и иногда довольно хорошо изображающий царедворца; он умерен во всех своих страстях, вернее, можно сказать, что у него всего одна всеобъемлющая страсть: это его честолюбие. Все другие страсти он подчиняет ей, а любви и ненависти ровно столько, сколько необходимо, чтобы достичь цели, а хочет он одного – править. У него великие проекты, достойные его непомерного честолюбия, изворотливый, ясный, живой ум, обширнейшие знания в области всех дел света, я не знаю никого, кто был бы лучше информирован; он трудолюбив, усидчив и прикладывает невероятные усилия, чтобы сохранить состояние, и сделает все возможное, чтобы увеличить его».

Уставший в конце жизни от государственных забот монарх покровительствовал и доверял этому энергичному и умному человеку, с удовольствием и облегчением переложив на его плечи решение всех государственных дел. Именно Людовик XIII выпросил для него у Папы Римского кардинальскую шапку. К 1646 году Мазарини уже почти три года вершил судьбы страны, являясь премьер-министром, и осуществлял надзор за воспитанием наследника престола. Став регентшей молодого короля, Анна Австрийская предоставила кардиналу неограниченные права, и он фактически стал единоличным правителем королевства.

У Мазарини было немало политических противников. Начавшаяся в 1648 году во Франции Фронда – мятеж крупной аристократии против правительственной власти – во многом

была направлена именно против первого министра. В частности, герцог де Ларошфуко видел главную причину этой смуты именно во владычестве кардинала, которое «становилось нестерпимым». Он писал о Мазарини: «Были известны его бесчестность, малодушие и уловки; он обременил провинции податями, а города – налогами и довел до отчаяния горожан Парижа прекращением выплат, производившихся магистратом... Он неограниченно властвовал над волею королевы и Месье, и чем больше в покоях королевы возрастало его могущество, тем ненавистнее становилось оно во всем королевстве. Он неизменно злоупотреблял им в дни благоденствия и неизменно выказывал себя малодушным и трусливым при неудачах. Эти его недостатки вкупе с его бесчестностью и алчностью навлекли на него всеобщую ненависть и презрение и склонили все сословия королевства и большую часть двора желать перемен».

В отличие от других бунтов и восстаний, Фронда началась не с провинции, а с привилегированного Парижа, жители которого никогда не облагались тальей – земельным налогом. Главной движущей силой этой гражданской войны стали буржуа. В числе ее зачинщиков были самые именитые граждане столицы: верхи судейского сословия, духовенство и представители знати. В этой опасной игре с властью был замешан и неугомонный брат Людовика XIII, принц Гастон Орлеанский.

Фронда началась зимой 1647—48 года, когда недовольные парижские рантье устроили беспорядки на улице столицы. За этим последовали возмущения должностных лиц судебного ведомства по поводу возможного снижения им жалованья. Следующими возмутителями спокойствия стали парламентарии, которые воспротивились созданию новых должностей. Дело в том, что королева, уверенная в авторитете своей власти, 15 января 1648 года в присутствии Людовика XIV объявила в парламенте эдикт о назначении двенадцати новых докладчиков, на что парламентарии согласия не дали. Между двором и парламентом началась трехмесячная «бумажная» война. За это время на сторону парламентариев встали счетная палата, палата косвенных сборов и Большой совет, которые заключили союз и пожелали заседать сообща в необычной ассамблее – палате Людовика Святого. Анна Австрийская усмотрела в ней «республику внутри монархии» и запретила ее созыв. Но вопреки ее приказу парламент разрешил палате собраться. Ее депутаты выработали хартию, которая, однако, отстаивала скорее их собственное благо, нежели общественное. И Мазарини, желая не допустить беспорядков в столице, пошел на уступки, утвердив многие требования палаты, в том числе упразднил должности интендантов и уменьшил талью.

Однако парламент не успокоился на достигнутом. К новому наступлению на королевский двор парламентариев подстрекали советники Брюссель и Бланмениль. Королева приказала заключить их под арест и этим «подняла на ноги» весь Париж. За одну ночь город оброс баррикадами. На сторону парламента перешли члены магистратуры верховных судов и придворная знать, а также практически все принцы во главе с Гастоном Орлеанским. Еще одним зачинщиком смуты стал де Гонди, племянник архиепископа Парижа, которого потом называли «одним из главных виновников» того, что Франция была залита кровью в жестокой гражданской войне.

Больше всего фрондеров злило отношение к этим событиям малолетнего короля. Он вовсе не собирался принимать их сторону, а полностью поддерживал действия своей матери и крестного, послушно следуя всем их указаниям. Да и могло ли быть иначе? Ведь Людовику в то время было только десять лет. Кроме того, нельзя не признать, что именно кардинал больше всего повлиял на становление его личности. Несомненным результатом воспитания Мазарини стали не только политические взгляды наследника французского престола, но и его художественные вкусы. К примеру, благодаря кардиналу он «заразился» любовью к итальянской культуре. Отсюда «выросло» не только его увлечение гитарой, но и преклонение перед итальянскими художниками, архитекторами, актерами. Одним из свидетельств тому впоследствии станет его приглашение в Париж легендарного архитектора Бернини и виртуоза того

времени, гитариста Франческо Корбетта. Правда, не все, чему Мазарини желал научить своего воспитанника, было тому по душе. Так, стремясь приучить Людовика к экономии, кардинал ограничивал его карманные расходы до безобразия. Как писал в «Мемуарах» камердинер короля Лапорт, бывали случаи, когда Мазарини изымал у него уже выданные деньги. А Александр Дюма, ссылаясь на того же Лапорта, описывал и другие примеры скарденности кардинала: король вынужден был спать на одних и тех же простынях до той поры, пока они не приходили в негодность, ему часто отказывали в карете, а сорочки меняли так же редко, как и постельное белье. Однако с годами Людовик будет все больше ценить Мазарини и детская нелюбовь к нему сменится дружеской привязанностью.

Во время драматических событий Фронды юный Людовик впервые столкнулся с предательством близких родственников, в частности двоюродных братьев и представителей знати. В результате мятежных действий под руководством Гастона Орлеанского, принцев Конте и Конде, герцога Бофора королевская семья вместе с несколькими министрами и придворными вынуждена была в ночь с 5-го на 6 января 1649 года бежать из Парижа в Сен-Жермен-о-Лэ. Но тамошний дворец был плохо подготовлен к пребыванию венценосных особ. Через некоторое время они вынуждены были вернуться в Париж, где Анна Австрийская отдала приказ об аресте главных вождей Фронды. 19 января 1650 года принцев Конде и Конти, а также герцога де Лонгвиля заключили в Венсенский замок. К королеве явился президент парламента с ходатайством об освобождении высокородных бунтовщиков. Присутствовавший при этом визите Людовик XIV был сильно возмущен увиденным и услышанным. После ухода президента парламента он сказал королеве: «Мама, если бы я не боялся прогневить вас, я бы трижды велел президенту умолкнуть и выйти».

Тем не менее принцы вскоре были освобождены по королевскому приказу. И способствовал этому Мазарини, находившийся тогда в изгнании. Предвидя новые беспорядки, он рассудил, что Конде может ему пригодиться для умирения фрондеров. Однако парламент организовал новое наступление на королевский двор. В ночь с 9 на 10 февраля 1651 года король и регентша оказались фактически в заточении в собственном дворце и вынуждены были во второй раз тайно покинуть столицу. Вместе с матерью Людовик почти два месяца содержался под унижительным домашним арестом в Пале-Рояле. С тех пор он стал опасаться столицы и большую часть времени проводил в своих загородных резиденциях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.